

Вырезка из газеты

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

24 ЯНВ 1982

Военные страницы «МП»

П Р Е М Ь Е Р Ы СОРОК ПЕРВОГО

Всё 1,418 военных дней не покидал Москвы и не прекращал напряженной работы Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Воспоминаниями о деятельности театра в период Московской битвы по просьбе нашего корреспондента И. Казенина делится народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Тамара Федоровна ЯНКО.

Неузнаваема была Москва в первые дни октября 41-го года. Строили укрепления, вырастали надолбы, торчали вереницы металлических ежей. Опустились витрины магазинов, их закрыли снаружи горы мешков с песком. На крышах домов, присмотревшись, можно было обнаружить грозные стволы зениток. Заметно убавилось число прохожих на улицах, особенно детей и женщин. Мирное население эвакуировалось. Город готовился к решающей битве.

Вся жизнь артистов и работников Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко сосредоточилась в здании на Пушкинской улице, 17. Днем во дворе проходили учения наших бригад ПВО. Круглосуточно дежурили на крышах театра и соседних домов. Те из нас, кто жил на окраинах и в пригородах, теперь и ночевать оставались в репетиционных комнатах. В коридорах стояли деревянные ящики с костюмами, реквизитом, париками — театр должен был эвакуироваться в Ашхабад.

Но как не хотелось уезжать из родной Москвы! Какова же была наша радость, когда от наших товарищей — режиссера Иосифа Михайловича Туманова, парторга Александра Романовича Томского, ведущих артистов Надежды Федоровны Кемарской, Григория Максимовича Бушуева, Майи Леопольдовны Мельтцер, вернувшихся с приема у заместителя Председателя Совнаркома Алексея Николаевича Косыгина, мы узнали, что театр остается в Москве. Завтра, 19 октября, должен быть первый спектакль.

Моментаً же распаковываются ящики с театральным хозяйством, а художники уже пишут большой фанерный щит: «19 октября 1941 года. Ж. Планкетт «Корневильские колокола». Щит

был выставлен перед театром, прохожие останавливались:

— Наверное, старую рекламу не убрали, — утверждали одни.

— Краска-то свежая, еще не высохла! 19-го, значит, завтра! — слышалось в ответ.

В кассе продавались билеты, а на сцене шла репетиция.

На следующий день мы дали уже два спектакля. Несколько месяцев, в самое трудное для Москвы время, наш театр был единственным в городе. Мы старались, чтобы как можно больше людей посмотрело наши спектакли. Отменили выходные, в иные дни играли по три спектакля.

Решение об открытии театра в самые тяжелые для Москвы дни сорок первого года было по-партийному мудрым. Москва боролась, Москва все отдавала фронту, Москва была уверена в завтрашнем дне. И яркий пример тому — в городе работает театр!

Коллектив был силен духовной сплоченностью. Тон задавали коммунисты, и в первую очередь секретарь партийной организации, артист балета Александр Романович Томский. Кажется, он был везде: и на спектакле, и на репетиции, и самое тяжелое дежурство в бригаде ПВО — предутренние часы, когда веки так и смыкались, всегда брал себе Томский.

Первую военную премьеру — спектакль-концерт «Герои русского народа» — мы показали в декабре сорок первого. Картины славного прошлого России оживали во впечатляющих хороших эпизодах, в величественных декорациях. Заканчивался спектакль апофеозом в честь воинов Красной Армии, принявших эстафету подвига у героев прошлых веков. Четыре десятилетия прошло, но и сегодня я помню мелодию из кантаты М. Ковалы «Слово матери».

Новый спектакль подготовил

и балетный коллектив. С большой выдумкой и мягким юмором главный балетмейстер Владимир Павлович Бурмейстер поставил «Штраусиану». За сорок лет, что живет в репертуаре музыкального театра эта постановка, сменилось не одно поколение исполнителей, но все, кто танцует в «Штраусиане», хорошо знают, в какое время она рождалась.

Режиссеры П. А. Марков, И. М. Туманов настойчиво работали с авторами над произведениями, которые отвечали бы героическому духу времени. В начале 1942 года состоялась премьера оперы С. Василенко «Суворова». Была поставлена опера И. Дзержинского «Надежда Светлова».

Память сохранила и забавные, и трогательные эпизоды. Осень 41-го выдалась на редкость холодная, и артистам раздали стеганные халаты из спектакля «Дарвазское ущелье», в них и шеголяли новоиспеченные «таджики». Больше всего любили мы собираться в штабе, так тогда называли дирекцию, где никогда не выключалось радио и всегда можно было согреться чаем.

За годы войны артисты нашего театра дали свыше 1,650 концертов. А это значит, что ежедневно был шефский концерт на заводах и фабриках, в госпиталях. Бригады театра направлялись и на фронт. Мы, артисты, чувствовали себя тоже солдатами. Да в сущности, мы ими и были — солдатами искусства. Многие наши артисты и работники были награждены такой дорогой для каждого москвича медалью «За оборону Москвы».

И сегодня живет в каждом из нас это чувство патриотизма, ответственности за свое дело. Ветераны, мы стремимся привить его нашей молодежи, стремимся укреплять традиции военно-шефской работы, заложенной в огневые сороковые годы. Мы понимаем, как важно, чтобы молодежь знала правду о войне, о всенародном подвиге, которым была завоевана Победа. Мы хотим, чтобы молодые так же свято любили родную Москву, как любили ее мы в суровые дни сорок первого года.